

© 2012 г. А.Н. Лепявский

УДК 34

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ «РАСКУЛАЧИВАНИЯ»,
КАК МЕТОД РЕАЛИЗАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ
КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В СССР
(ПО МАТЕРИАЛАМ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ)**

На рубеже XIX-XX вв. кулаками в деревне называли зажиточных крестьян, получивших свой капитал, по мнению односельчан, нечестно, и относили к ним ростовщиков, скупщиков, торговцев, которых противопоставляли крестьянам-работникам. Знаток русского пореформенного крестьянства А.Н. Энгельгард описывал в 1870-е гг. облик деревенского кулака: «настоящий кулак ни земли, ни хозяйства, ни труда не любит, этот любит только деньги... Все у кулака держится не на хозяйстве, не на труде, а на капитале, на который он торгует, который раздает в долг под проценты. Его кумир деньги, о приумножении которых он только и думает. Капитал ему достался по наследству, добыт неизвестно какими, но какими-то нечистыми средствами» [1]. Ленин в своих работах давал различные, часто взаимоисключающие определения крестьянину-«кулаку», например: «кулак: всякий крестьянин, который собрал хлеб своим трудом и даже без применения наемного труда, но прячет хлеб, превращается в эксплуататора, кулака, спекулянта» [2]. В качестве примера приведем выдержку из предвыборного лозунга 1920-х годов агитбригады Ольского района Колымы: «...каждый избиратель должен знать, кого избирать и строго разграничивать, кто его друзья и враги, ...пролезет чуждый трудовому элемент: бывшие кулаки, социал-предатели и все другие паразиты, умеющие прикрываться благотворительностью и доброжелательностью, отчего будет большой вред самому населению и советской власти» [3].

В повседневной жизни статус кулака находился ниже социального положения колхозника и рабочего. Например, в протоколе закрытого собрания ячейки ВКП (б) Восточно-тундровского района от 22.05.34 г. в части касаю-

щейся проведения в районе ярмарки указывалось: «...первые торгуют колхозы, затем единоличники бедняки, середняки и в последнюю очередь кулаки» [4]. Например, в уставе рыболовецко-охотничьей промысловой артели «Долой частника», утвержденного на основе примерного устава сельскохозяйственной артели от 17 февраля 1935 года, принятого II Всесоюзным съездом колхозников-ударников и утвержденного Советом народных комиссаров Союза ССР и Центральным комитетом ВКП(б), в разделе «цели и задачи» говорилось: «Батраки, бедняки, середняки Ольского района добровольно объединяются в рыболовецко-охотничью промысловую артель, чтобы общими средствами производства и общим организованным трудом построить коллективное, то есть общественное, хозяйство, обеспечить полную победу над кулаком, над всеми эксплуататорами и врагами трудящихся...» [5].

В уголовно-процессуальных документах понятие «кулак» рассматривалось как социальное положение гражданина. Так, согласно выписки протокола допроса от 24.09.1933 г. Ольского районного туземного суда в с. Ола предусматривались графы:

«Ф.И.О. – Логинов Федор Петрович;

год рождения – 39 лет;

национальность – ороц;

социальное положение – кулак;

образование – малограмотный;

партийность – беспартийный и т.д.» [6].

В протоколе Ольско-Сеймчанского районного съезда Совета подчеркивалось: «...у нас только один путь, путь социализма, кулак будет сметен. Может быть, местные богачи будут уговаривать бедняков укрываться в другие места. Передайте, что это кулакам не поможет. Куда они будут кочевать, все равно там всюду советская власть» [7].

Такое негативное отношение к представителям кулачества в свою очередь порождало ответную реакцию. Так, в истории Северо-востока имеются факты, когда кулаки объединялись в бандформирования (в современном понимании) для осуществления антиконституционной деятельности. Согласно архивным данным, до начала 1925 г. в Охотском крае действовали бандитские группы, в состав которых входили «уцелевшие от разгрома бывшие царские офицеры и якуты – уголовники, которые именовали себя тунгусским на-

циональным отрядом, ведущим пропаганду среди темного населения тайги о якобы национальном угнетении и требования автономии» [8]. В отчете II Корякской экспедиции ДВ КРАЙЗО отмечалось: «...кулаки района (Тигильского) под руководством кулаков с. Тигиль готовили вооруженное нападение на руководителей советских и партийных организаций под лозунгом «Камчатку для камчадалов», но благодаря бдительности органов ГПУ все главари готовившие восстание были своевременно изолированы» [9]. Таким образом, термин «кулак» на протяжении второй половины XIX века и первой четверти XX-го эволюционировал вместе с общественным строем в государстве, неоднократно меняя свой смысл – от нейтральной до ярко отрицательной.

В период индустриализации, осуществляя такие масштабные проекты, как «Дальстрой», государство тратило на них колоссальные ресурсы. При этом важнейшее значение приобретало своевременное получение доходов с населения, что и явилось, по нашему мнению, одной из причин осуществления государственной концепции коллективизации.

Так, на проходившем съезде Советов Среднеканского районного Совета трудящихся подчеркивалось: «...перед нами стоит задача организационно укрепить колхозы. Но для того, чтобы успешно разрешить эту задачу необходимо всерьез заняться выяснением морально-политического состояния района и по большевистски ударить по антисоветским элементам» [10]. В протоколе второго межрайонного съезда Советов Колымы от 19-21 октября 1936 г. говорилось: «...нам уже не страшны те немногие остатки кулаков, капиталистов, жандармов, которые еще не перевоспитали своего сознания, так как крепка и сплочена вся трудящиеся масса Советского Союза» [11].

Тем не менее, проведение коллективизации и раскулачивания опиралось на довольно обширную нормотворческую базу. Например, А.Я. Вышинский заявлял: «В условиях диктатуры пролетариата и социалистического строительства право приобретает новое содержание и новые методы своего действия. В эксплуататорских обществах право является средством закрепления эксплуатации человека человеком, средством увековечения правового и социально-экономического неравенства людей. В социалистическом обществе, в условиях диктатуры рабочего класса, право является средством ликвидации эксплуатации человека человеком, средством утверждения правового равенства людей» [11].

Так, одним из первых юридических документов, заложивший основу раскулачивания был Декрет ВЦИК от 9 мая и СНК от 13 мая 1918 г. о предоставлении чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией народному комиссару по продовольствию: «Хлеб находится в руках "кулаков и богатеев, в руках деревенской буржуазии», «этому упорству... деревенских кулаков и богатеев должен быть положен конец», «призвать всех трудящихся - неимущих и не имеющих излишки крестьян – к немедленному объединению для беспощадной борьбы с кулаками». В дальнейшем был принят ряд документов, регламентирующий правовой механизм реализации данной политики: постановлением ЦК ВКП(б) от 5 янв. 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству Постановление СНК СССР от 21 мая 1929 года "О признаках кулацких хозяйств"», Приказ НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов» и т. д. [12].

1 февраля 1930 года было принято Постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством»[13], в котором указывалось: «1. Отменить в районах сплошной коллективизации действие закона о разрешении аренды земли и о применении наемного труда в единоличных крестьянских хозяйствах ... Исключения из этого правила в отношении середняцких хозяйств регулируются районными исполнительными комитетами под руководством и контролем окружных исполнительных комитетов. 2. Предоставить крайвым (областным) исполнительным комитетам и правительствам автономных республик право применять в этих районах все необходимые меры борьбы с кулачеством вплоть до полной конфискации имущества кулаков и выселения их из пределов отдельных районов и краев (областей)».

В Постановлении ЦК ВКП (б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» [14] содержится следующее обоснование начала кампании по раскулачиванию: «все намеченные планами темпы развития коллективного движения превзойдены. Уже весной 1930 г. посевная площадь, обработанная на обобществленных началах, значительно превысит 30 млн. га, т.е. пятилетний план коллективизации,

в силу которого к концу пятилетия предполагалось охватить коллективами 22-24 млн. га. Таким образом, мы имеем материальную базу для замены крупного кулацкого производства крупным производством колхозов, мощного продвижения вперед по созданию социалистического земледелия».

В Приказе Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) № 44/21 2 февраля от 1930 г. строго регламентировались категории лиц, подпадающих под определение «кулаки», в частности говорилось о том, что под действие приказа подпадают следующие категории лиц [15]:

1. «Кулаки - наиболее махровые и активные, противодействующие и срывающие мероприятия партии и власти по социалистической реконструкции хозяйства. Кулаки, бегущие из районов постоянного жительства и уходящие в подполье, особенно блокирующиеся с активными белогвардейцами и бандитами.
2. Кулаки - активные белогвардейцы, повстанцы, бывшие бандиты; бывшие белые офицеры, репатрианты, бывшие активные каратели и др., проявляющие сейчас контрреволюционную активность, особенно организованного порядка.
3. Кулаки - активные члены церковных советов, всякого рода религиозных, сектантских общин и групп, активно проявляющие себя.
4. Кулаки - наиболее богатые, ростовщики, спекулянты, разрушающие свои хозяйства, бывшие помещики и крупные земельные собственники».

В указанном документе содержатся также сведения о количестве семей, которые предполагалось переселить (например, Урал – 10-15 000 семей, Сибирь – 25 000 семей, Белоруссия – 6-7 тысяч семей). Дела о выселении рассматривались только уполномоченными на то должностными лицами, входившими в состав «троек». Согласно упомянутому Приказу, в состав «тройки» входили представители от Крайкома ВКП(б) и Прокуратуры. Состав «тройки» высылался на утверждение Коллегии ОГПУ.

Несмотря на это, в обыденном представлении масштабы раскулачивания зачастую сильно преувеличиваются согласно распространенным стереотипам, в результате чего создается впечатление, что была расстреляна и уничтожена чуть ли не половина русской деревни. На самом деле количество раскулаченных лиц строго лимитировалось. Например, в секретной инструкции ЦИКа и

совнаркомам союзных и автономных республик, краевым и областным исполнительным комитетам (г. Москва. Кремль. 4 февраля 1930 г.) [16] говорилось: «количество выселяемых и расселяемых кулацких хозяйств должно строго дифференцироваться по районам в зависимости от фактического числа кулацких хозяйств в районе с тем, чтобы общее число ликвидируемых хозяйств по всем районам составляло бы в среднем примерно 3-5%, чтобы сосредоточить удар по действительно кулацким хозяйствам и безусловно предупредить распространение этих мер на какую-либо часть середняцких хозяйств». Так, на II районном съезде п.Островное подчеркивалось: «В 1932-1933 г.г. были допущены нарушения в вопросах коллективизации раскулачивания кулаков... обобществления оленей, отбора оленей, орудия и прочего» [17].

Подтверждением реализации указанного документа об ограничении ликвидируемых кулацких хозяйствах служат архивные данные (гриф «секретно»), согласно которым, вплоть до второй половины 1950 гг. в ряде районов Магаданской области продолжали существовать более 20 семей единоличников. Лишь 15 ноября 1956 года бюро Магаданского обкома КПСС приняло постановление «О работе среди оленеводов – единоличников, которым обязало партийных и хозяйственных руководителей на местах принять меры к скорейшему включению единоличников в социалистический аграрный сектор» [18]. Например, в колхозе «Сталинец» Магаданской области вплоть до середины 50-х гг. вне поселка проживали «бывшие кулаки», которые содержали до 30 голов скота, тогда как у всех колхозников в личном пользовании имелось только 60 животных [19].

В рассматриваемый период принимается ряд нормативных правовых актов, направленных на изменение уголовного и уголовно-процессуального законодательства. 7 августа 1932 года принимается Постановление ЦИК и Совнаркома СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», (знаменитый «указ о колосках») [20]. В самом Постановлении приводится и аргументация его принятия, обоснование необходимости применения подобных чрезвычайных мер: «за последнее время участились жалобы рабочих и колхозников на хищения (воровство) грузов на железнодорожном и водном транспорте и хищения (воровство) кооперативного и колхозного имущества со стороны хулиганствующих и вообще противообщественных эле-

ментов. Равным образом участились жалобы на насилия и угрозы кулацких элементов в отношении колхозников, не желающих выйти из колхозов и честно и самоотверженно работающих за укрепление последних.

Таким образом, период т.н. «раскулачивания», который связывают с процессами коллективизации, происходил не в произвольном порядке «массового беспредела», как зачастую рассматриваются некоторыми исследователями, а на определенной правовой основе, представляя собой тщательно регламентировавшуюся систему государственных мер, поэтому имеющиеся факты превышения должностных полномочий при реализации норм права, можно рассматривать как проявление правового нигилизма компетентных лиц. Так, в отчетных материалах Ольского райисполкома за период 1928-1931 гг. указывалось: «...Установить строгое соблюдение революционной законности в повседневной деятельности советских хозяйственных и культурных органов. Вести решительную борьбу с проколами и вредительской работой враждебно-настроенных к Советской власти части населения на основе действующих законов...следить за выполнением законов» [21].

Среди мер по повышению революционной законности в соответствии с Постановлением Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР от 25 июня 1932 год «О революционной законности» [22] предлагались меры по предотвращению незаконного раскулачивания («Устранить факты наложения твердых заданий, раскулачивания и т.п., допущенные в нарушение законов советской власти в отношении отдельных колхозников и единоличных середняцких хозяйств, последовательно проводя установленные советскими законами задания и меры в отношении кулацких элементов»), незаконных арестов и обысков («Обязать суды и прокуратуру привлекать к строгой ответственности должностных лиц во всех случаях нарушения прав трудящихся, в особенности в случаях незаконных арестов, обысков, конфискаций или изъятия имущества и проч., и налагать на виновных строгие меры взыскания»), по недопущению принудительного обобществления скота и птицы и т.д.

Анализ исторической документации, относящейся к указанному периоду, позволяет сделать вывод о том, что происходившие в государстве процессы модернизации и сопутствовавшие им общественно-политические трансформации строились на правовой основе (при этом мы понимаем под правом не абстрактную идеалистическую категорию, а конкретно действующее в дан-

ный исторический момент право отдельного государства, содержание которого воплощается в соответствующей форме – в законодательстве) и строгой регламентации, соблюдении социалистической законности, важнейшие из изменений которой были зафиксированы в новой Конституции СССР 1936 года, а также в Конституции РСФСР 1937 года.

ЛИТЕРАТУРА

1. Историко-краеведческий журнал «Костромская старина», 1991 г, № 1, Л.12
2. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 36.
3. ГАМО, Ф.Р-15, Оп.1, Д.3, Л.38.
4. ГАМО, Ф.Р-39, Оп.4. Д.5. Л.5.
5. ГАМО, Ф.Р-17, Оп.1, Д.147, Л.68.
6. ГАМО, Ф.Р-17, Оп.1. Д.274. Л.41.
7. ГАМО, Ф.Р-16, Оп.2, Д.131, Л.52.
8. ГАМО, Ф.Р-39, Оп.1, Д.5, Л.175.
9. ГАКО, Ф.240, Оп.1. Д.1. Л.286.
10. ГАМО, Ф.Р-43, Оп.1, Д.9, Л.49 ГАМО, Ф.Р-51, Оп.1, Д.4, Л.4.
11. Большая советская энциклопедия. М., 1948. СССР. С. 1939-1961.
12. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918-1939. Документы и материалы в 4 т. Т.2. 1923–1929. М., 2000.
13. СЗ СССР, 1930, № 9. ст. 105.
14. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5. М., 1984.
15. ЦГАНХ СССР. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1944. Л. 17-25.
16. ЦГАОР СССР. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 515. Л. 2-7.
17. ГАМО, Ф.Р-39, Оп.4, Д.5, Л.5.
18. ГАМО, Ф.Р.-21, Оп.10, Д.69, Л.30.
19. ГАМО, Ф.Р.-10, Оп.1, Д.232, Л.14.
20. СЗ СССР, 1932, № 62, ст. 360.
21. ГАМО, Ф.Р.-17, Оп.1, Д.115, Л.4
22. СЗ СССР, 1932, № 50, ст. 298.

LITERATURE

1. The Local History Magazine "Kostroma Antiquity", 1991, № 1, L.12
2. VI Lenin Full. Works. Op. T. 36.
3. Gamo, F.R-15 op.1, 3, L.38.
4. Gamo, F.R-39, Op.4. S.5. L.5.
5. Gamo, F.R-17 op.1, D.147, L.68.
6. Gamo, F.R-17 op.1. D.274. L.41.
7. Gamo, F.R-16, Op.2, D.131, L.52.
8. Gamo, F.R-39 op.1, 5, L.175.
9. Hakoah, F.240, op.1. E.1. L.286.
10. Gamo, F.R-43, op.1, 9, L.49. GAMO, F.R-51 op.1, 4, L.4.
11. Great Soviet Encyclopedia. Moscow, 1948. USSR. Pp. 1939-1961.
12. Soviet Village eyes Cheka – OGPU – NKVD. 1918-1939. Documents and materials in four volumes. Volume 2. 1923-1929. M., 2000.
13. Laws of the USSR, 1930, № 9. Art. 105.
14. CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Central Committee plenums. T. 5. M., 1984.
15. TsGANKh USSR. F. 9414. Op. 1. D. 1944. L. 17-25.
16. TSGAOR USSR. F. 3316. Op. 2. D. 515. L. 2-7.
17. Gamo, F.R-39, Op.4, 5, L.5.
18. Gamo, FR-21, Op.10, 69, L.30.
19. Gamo, FR-10, op.1, D.232, L.14.
20. Laws of the USSR, 1932, № 62, art. 360.
21. Gamo, FR-17, op.1, D.115, L.4.
22. Laws of the USSR, 1932, № 50, art. 298.